

³ См.: Гулина Т.И. Книги гражданской печати XVIII века в собрании Ярославского музея-заповедника и книжная культура края // Гулина. Т.И. Книги гражданской печати 1708–1800 гг. из собрания Ярославского музея-заповедника. Каталог. Рыбинск, 2003. С. 13.

⁴ Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии. Рязань, 1995. С. 75–76, 220–221.

Д.Ю. Филиппов

ЗДАНИЕ ПЕРВОЙ РЯЗАНСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ: МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ПАМЯТНИКА

Здание губернской гимназии является одним из самых ярких памятников эпохи классицизма в Рязани. Памятник слишком приметен, чтобы не иметь его подробной истории, однако при знакомстве с литературой выясняется, что вразумительной истории здания не существует, а имеющиеся публикации заставляют задаваться вопросами. В основу предлагаемой публикации положены результаты специальных изысканий по истории здания Рязанской губернской гимназии, проведенных в фондах Государственного архива Рязанской области в рамках проекта Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ «Свод памятников архитектуры и монументального искусства России (Рязанская область)». Обращение к материалам рязанского архива, и именно к тем, которые всегда лежали на поверхности и были доступны (!), но не востребованы исследователями, позволило восстановить картину ранней истории памятника.

Первое упоминание о покупке частного дома для гимназии содержится в работе учителя рязанской гимназии Т.Я. Воздвиженского «Историческое обозрение Рязанской губернии», изданной в 1822 г. В разделе, посвященном истории гимназии, Воздвиженский пишет, что ее директор М.И. Клечановский «благоразумною деятельностью своею успел склонить рязанское дворянство во время балатировки в 1805 на покупку для гимназии каменного дома у г-жи Селимовой за 14 500 рублей. Сей дом, его же старанием вновь перестроен изящною архитектурою с прибавлением к тому 29 000 руб., внесенных дворянством»¹. Заметим, что Тихон Воздвиженский, помимо преподавательской деятельности ведавший в гимназии хозяйственными вопросами, отлично знал историю покупки дома и четко представлял себе, что и у кого было куплено. Загадочная «г-жа Селимова» – это госпожа Сулимова или, правильнее, Сулима. Именно эту фамилию носила с 1810-х гг. Варвара Осиповна Кузнецова, вторично вышедшая замуж.

Почти через сто лет, в 1904 г., текст Воздвиженского практически дословно был заимствован авторами-составителями «Исторической записки Рязанской мужской гимназии», изданной к столетнему юбилею

гимназии: «Сначала по переводе из редутного дома, гимназия помещалась в двухэтажном деревянном на каменном фундаменте доме, купленном из сумм Приказа общественного призрения у помещицы Кузнецовой. Следующий директор, М.И. Клечановский, успел склонить Рязанское дворянство, во время выборов 1805 г., на покупку для гимназии каменного дома г-жи Семеновой, что обошлось в 14 500 руб., серебром. Дом этот был вновь перестроен и отделан, на что дворянство израсходовало еще 29 000»². При этом был осовременен несколько архаичный слог Воздвиженского, и добавлен факт покупки дома помещицы Кузнецовой, а фамилия владелицы каменного дома изменилась с «Селимовой» на «Семенову». Авторы юбилейного издания, сами того не подозревая, запутались в фактах, запутали ситуацию и создали почву для дальнейших измышлений.

Д.Д. Солодовников – признанный авторитет рязанской истории, автор хрестоматийной для рязанского краеведения работы «Переяславль Рязанский: прошлое Рязани в памятниках старины»³, – прямо называет владелицей каменного дома, купленного для гимназии, В.О. Кузнецову. Для рязанских краеведов, столь активно трудившихся на ниве изучения истории губернской гимназии, наличие противоречивых свидетельств почему-то не стало поводом для серьезной проработки архивов. Напротив, возникшая из небытия фамилия помещицы Семеновой стала основой для новых фантастических построений.

Казалось бы, какая разница, Семенова, Кузнецова, не все ли равно нам сегодня через двести лет после событий и через сто после упомянутых публикаций разбираться в этих мелочах. Нет, не все равно, ибо спорные вопросы требуют разрешения, а, кроме того, на подобных «мелочах» в итоге возникает мифологическая картина истории, построенная не на следовании факту, а на полете фантазии авторов-любителей, увлекающихся красотами в ущерб достоверности. С этим явлением, как с устойчивой традицией, мы имеем дело не только в краеведческих публикациях советского времени, но и в новейших «документально-художественных» изданиях, хорошо тиражируемых и активно внедряемых в практику школьного преподавания местной истории, при подготовке публикаций в прессе и электронных средствах массовой информации⁴.

Дальше всех в развитии сюжета о владельцах дома пошли И.К. Краснотарская и С.В. Чугунов – авторы книги «Дом на Большой улице», изданной в 1985 г. Автором проекта дома, правильнее сказать проекта реконструкции и приспособления здания под гимназию, предположительно считали М.Ф. Казакова, что как предположение, но не более, и сегодня имеет право на существование. При этом следует заметить, что ни одного документа, хотя бы косвенно подтверждающего авторство Казакова, на сегодняшний день не выявлено, и все предположения строятся исключительно на внешнем сходстве рязанского дома с московскими постройками знаменитого архитектора. С увлеченности громкими именами и началась мистификация, говорить о которой в целом было

бы бессмысленно, если бы речь не шла об одном из ценных архитектурных и историко-культурных памятников Рязани; и если бы метод мистификации не был нормой при написании большей части рязанских краеведческих текстов. Задаваясь вопросом о том, кто же владел особняком до того, как он стал домом гимназии, авторы книги встретились с той же проблемой, что и мы. «Кажется, какая разница, кому принадлежал дом – Кузнецовым или Семеновым? Что нам в этих фамилиях?» – пишут они и тут же выбирают удобную для своих построений версию ответа: «Для нас – существенной разницы нет, но для зодчего, а им, как предполагают, был великий Казаков, фигура заказчика была небезразлична»⁵. Далее, исходя из тезиса, что Казаков был-таки автором проекта, выстраивается ответ на вопрос, кто такая Семенова: дочь помещика П.И. Бунина, Мария Петровна, родная сестра поэтессы Анны Буниной⁶.

Признаем, авторам блестяще удалось свести вместе разрозненные факты и сделать из их сопоставления красивые выводы, нарисовать замечательную картину, где сошлись и Бунины, и Семеновы, и Жуковский, и Казаков. При таком фейерверке из громких имен как читателю не восхититься увлекательными построениями и неожиданными поворотами сюжета! Вот только к главному – дому рязанской гимназии, с которого все и началось, все это отношения не имеет, ибо неверен был исходный посыл, предпочтенный авторами именно в силу своей красоты и заманчивости. Можно же было пойти и по второму пути и рассмотреть историю семьи Кузнецовых, но авторы изначально отвергают эту идею как бесперспективную – не выводится из имени никому не известной В.О. Кузнецовой автор постройки – известный зодчий М.Ф. Казаков, а из фамилии Семеновой выводится и удивительным образом доказывається и подается в восторженных сентенциях: «Итак, дом № 53 на улице Ленина в Рязани, построен, скорее всего, по проекту великого Казакова. Не правда ли после такого вывода старинный дом сразу сделался красивее? Что там говорить – красота, созданная руками признанного мастера, всегда ярче!»⁷. Комментарии, как говорится, излишни.

Попробуем все же пойти по второму пути и выяснить, кто же такие Кузнецовы. История семьи Кузнецовых в Рязани началась в 1786 г., когда в Рязань прибыл новый наместник Иван Васильевич Гудович. Вместе с ним прибыл к новому месту службы и личный адъютант наместника поручик Федор Антонович Кузнецов (ок. 1746 – 25.02.1806). В «Месяцесловах с росписью чиновных особ...» на 1781–1783, 1789–1792 гг. Ф.А. Кузнецов назван олонецким купцом, коронным поверенным Петербургских и Московских питейных сборов, попечителем Петербургского воспитательного дома⁸ (заметим, «олонецким купцом» Кузнецов именуется и при регистрации купчей на имение в Спасском уезде при селе Федотьево в 1784 г.⁹). Из дворянского дела Ф.А. Кузнецова следует, что до прибытия в Рязань он служил в лейб-гвардии Ее Императорского Величества «каптенармусом», а в 1785 г. был пожалован чином поручика. Как отмечается в формулярном списке Кузнецова, с 1786 г. он «по служ-

бе пребывание имеет в городе Рязани», а после отъезда Гудовича из города в 1796 г. выходит в отставку и остается здесь на постоянное жительство. Семья Кузнецовых была невелика: сам Федор Антонович и его первая жена Федосья Михайловна, урожденная Найкова (Нейкова – ?) (ок. 1751–1802), происходившая из купеческой, возможно, петербургской семьи¹⁰. Набор немногочисленных фактов о жизни Ф.А. Кузнецова до его приезда в Рязань позволяет предполагать, что это был человек не самого знатного происхождения, но пробившийся благодаря коммерческой хватке и деловитости. Скорее, это был предприниматель, коммерсант, не случайно и его супруга происходила из купеческой семьи, и можно предполагать, вполне состоятельной.

Где жила семья адъютанта наместника первое время по приезде в Рязань нам не известно. Усадебное место под застройку было отведено Кузнецову, вероятно, между 1786 и 1789 гг. Документ об отводе участка обнаружить пока не удалось, возможно, его и не было (в источниках имеются упоминания об устных распоряжениях генерал-губернатора Гудовича о застройке того или иного свободного участка городской земли, позже закреплявшегося за застройщиками). Дело, тем более, могло ограничиться устным распоряжением, когда речь шла о личном адъютанте наместника. Так или иначе, но уже в конце 1780-х гг. на высоком правом берегу Лыбеди вблизи Большого каменного моста начинает формироваться один из старейших городских усадебных комплексов Рязани. Сначала усадьба занимала площадь в 1440 квадратных саженей (более 6500 кв. м.) и простиралась на 24 сажени по Астраханской улице и на 60 саженей в глубину квартала. Позже, видимо, были сделаны дополнительные прирезки, и к 1808 г. владение, имевшее в плане неправильную конфигурацию, тянулось уже на 96 саженей вдоль берега Лыбеди, на 73 сажени по улице Праволыбедской, 44 сажени по улице Астраханской и в заднем, узком, конце составило 22 сажени¹¹.

К моменту приезда четы Кузнецовых в Рязань прошло всего лишь шесть лет с утверждения плана регулярной застройки города. Рязань того времени представляла собой гигантскую строительную площадку. Средневековые кварталы с их хаотичной застройкой постепенно сменялись новой регулярной сеткой улиц, которые нередко проходили прямо через обывательские владения. Однако регулярный план при всей своей геометрической правильности и строгости был живой градостроительной материей и допускал отклонения от плана, если были для того достаточные основания. Крутые берега реки Лыбеди по городскому плану не были предназначены под кварталы – они считались неудобными и, действительно, мало подходили для плотной обывательской застройки из-за сложности рельефа. К тому же, на рубеже XVIII–XIX вв. в их застройке не было необходимости: новое городское пространство было тогда достаточно свободным и позволяло горожанам строиться в более удобных местах. Логично вытекающая из особенностей рельефа и городской топографии идея превращения Лыбеди в канал с облаго-

роженным руслом и оформленными набережными была для Рязани, возможно, и заманчивой, но слишком масштабной (об этом говорят неоднократные безрезультатные попытки превратить Лыбедь в каскад прудов, предпринимавшиеся в первой половине XIX в.). Практика пользования этим городским водоемом на протяжении XIX–XX столетий, к сожалению, продемонстрировала преобладание утилитарного подхода, а не эстетического. Строительство усадеб в XVIII в. велось с учетом особенностей ландшафта берега Лыбеди, который оказался подходящим для разбивки садов и создания обширных городских усадеб, что в то время, вероятно, было обычной практикой использования неудобий. Особенно заметно это было в центральной части города, на участке между улицами Торговой (ул. Мясницкая, ныне Горького) и Дворянской (ул. Полонского). Именно в этой части города на рубеже XVIII–XIX вв. появляются крупные рекреационные усадьбы рязанского дворянства и богатейшего купечества.

Рядом с владением Кузнецовых, по другую сторону Астраханской улицы, в начале 1800-х гг. обустроивалось владение жены рязанского городничего П.А. Коноплиной, также занимавшее «неудобье» на крутом берегу Лыбеди. Позже эта усадьба перешла супруге рязанского губернатора Д.С. Шишкова, в 1820-х гг. принадлежала прокурору Н.Л. Друкорту, а в середине столетия стала владением купцов Морозовых и, наконец, была облюбована вице-губернатором М.Е. Салтыковым-Щедриным, кстати, именно благодаря большому и красивому саду, террасами спускавшемуся к Лыбеди. На левом берегу реки на пересечении Торговой улицы и Лыбеди в начале XIX столетия располагалась просторная усадьба подпоручика С.Д. Рахманинова, большая часть которой тоже была занята садом. Ниже по течению, почти напротив усадьбы Коноплиных в 1810-х гг. сложилось обширное владение дворянки В.Н. Шарыгиной с большим садом, теплицами и оранжереями¹².

Начало застройки владения Кузнецовых следует отнести ко второй половине 1780-х гг., поскольку первые упоминания каменных построек в усадьбе, выявленные в источниках, относятся к 1790 г., когда каменный двухэтажный дом был предоставлен Кузнецовыми в аренду известному рязанскому купцу П.А. Мальшину для залога по откупам¹³.

В 1789 г. у Кузнецовых возникает необходимость в деньгах, и Ф.М. Кузнецова решает заложить свое имение в селе Федотьево Спаского уезда в Государственном заемном банке, «или где сыскаться может». Она обращается в Палату гражданского суда с прошением о выдаче свидетельства на имение. Доверенным лицом для получения документа она избирает человека близкого к семье Кузнецовых, возможно, делового партнера – известного рязанского откупщика П.А. Мальшина. Мальшин, в свою очередь, предлагает Кузнецовой взаимовыгодный контракт: намереваясь снять винный откуп в Тамбовском наместничестве на 1791–1794 гг., он предложил Федосье Михайловне отдать имение ему в аренду для предоставления в казну как залоговый гарант

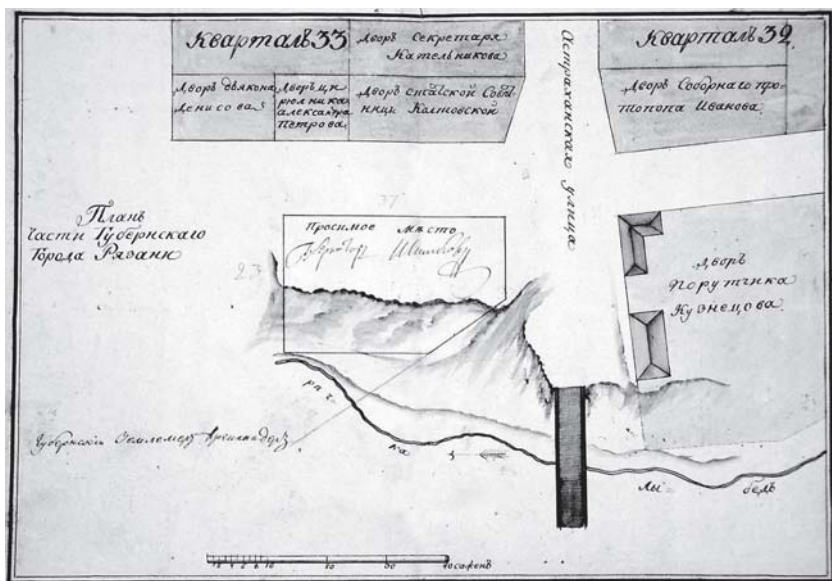
по откупу¹⁴. «Зная его [Мальшина. – Д. Ф.] хорошее поведение», Кузнецова предоставила имение, а вместе с ним и городской дом в его распоряжение. Это было только началом долгосрочного сотрудничества, поскольку Петр Алексеевич еще не раз использовал недвижимость Кузнецовых для залогов. Так, документы фонда Рязанской палаты суда и расправы свидетельствуют, что в 1794–1798 гг. Мальшин также закладывал в казну три каменных дома, составлявшие комплекс усадебных построек Кузнецовых, как гарант по снятому им питейному откупу¹⁵. Подобная практика была обычной для откупщиков того времени: не имея достаточной для залога недвижимости, они нередко прибегали к аренде для этих целей дворянской собственности за соответствующее вознаграждение владельцу.

Процесс поэтапной застройки владения Кузнецовых запечатлен на немногочисленных городских планах конца XVIII – начала XIX в. Как свидетельствуют выявленные графические и текстовые материалы, первоначальный облик дома Кузнецовых значительно отличался от здания, в котором позже разместилась губернская гимназия. Так, на плане землемера М.С. Тулаева 1794 г. обозначены два каменных корпуса: угловой, с видом на Лыбедь, и «флигель» по Астраханской. На плане 1802 г. обозначен угловой дом на месте флигеля и прямоугольный корпус фасадом на Лыбедь (возможно, имели место перестройки или, что вероятнее, чертежником допущена неточность, поскольку на упомянутом плане изображение дома Кузнецовых носило вспомогательный характер и могло быть условным). Наконец, на плане 1815 г. обозначен единый объем, уже перестроенного под гимназию дома с соединением обеих частей вставкой по Астраханской и удлинению корпуса по ул. Праволыбедской, в результате чего дом, приобретая в плане П-образную форму, приблизился к современному объему¹⁶.

Данные графических источников подтверждает и опись усадьбы, составленная в 1796 г. – самый ранний и единственный выявленный на сегодня источник, дающий детальное описание комплекса. Согласно тексту документа, главный дом усадьбы был поставлен на углу участка и сориентирован парадными фасадами на Лыбедь и Астраханскую улицу, фиксируя важный градостроительный узел: высокий берег реки, открывавшийся при выезде на Астраханскую улицу и Большой каменный мост со стороны улицы Московской (ул. Почтовая). «Первой корпус построен угловой глаголем в два этажа одной стороной по Астраханской улице, мерою 12 сажень, другой стороной к речке Лыбеди, мерою 12 сажень, ширина ж онаго корпуса в обоих концах по 14 аршин, под оным корпусом каменные выходы со сводами, в верхнем и нижнем этаже накаты бревенчатые, в нижнем этаже стенок деревянных две, в верхнем тоже, а прочие каменные, крыт железом». В верхнем этаже этого корпуса насчитывалось 15, в нижнем 12 «покоев». Двухэтажный флигель меньших размеров «с каменными погребями» фиксировал другой угол усадьбы на пересечении улиц Астраханской и Праволыбедской. «Вто-

рой корпус двухэтажный, построен крюком же, угловой – два бока по улицам длиною по 7 1/2, шириною в обоих концах по 4 сажени, под оным корпусом каменный выход со сводом, в верхнем и нижнем этажах внутренних стенок деревянных четыре, а прочие каменные. Крыт тесом и выкрашен на масле». В первом этаже этого корпуса насчитывалось 7, во втором – 11 комнат. В описи упомянут также «третий корпус каменной же в один этаж длинною семи, шириною 4 сажени, крыт тесом, в нем кухня и два покоя и под оным корпусом каменный выход», вероятно, служебный флигель, располагавшийся во внутреннем дворе усадьбы, который, однако, отсутствует на планах¹⁷. Между главным домом и флигелем располагался парадный въезд в усадьбу с улицы Астраханской.

Как видим из приведенного описания, первоначальный вид усадьбы Кузнецовых был типичен для богатого городского владения конца XVIII в. и едва ли даже отдаленно напоминал столичные дворцы работы Казакова. Архитектором, спроектировавшим первоначальные постройки усадьбы и заложившим ее генеральный план, позже продиктовавшим схему реконструкции комплекса в единый объем, вполне мог быть губернский архитектор И.Г. Сулакадзев, в чью компетенцию и входило составление проектов, как казенных зданий, так и частновладельческих построек. Первоначальный облик дома Кузнецовых значительно

План части города Рязани, 1802.
ГАРО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 85. Л. 5-6

отличался от того, который мы можем сегодня видеть: существующий объем и вид здание приобрело в ходе реконструкции 1810-х гг., когда приспособлялось под гимназию. Именно тогда дом был «вновь перестроен изящною архитектурою»: на месте въезда в усадьбу между главным домом и флигелем была сделана вставка, объединившая оба объема, а новое оформление фасада придало постройке торжественный парадный вид. Поставленный на важном, с точки зрения организации городского пространства, месте комплекс построек усадьбы Кузнецовых был в числе первых частных каменных зданий Рязани и изначально стал украшением главной улицы города. В Рязани конца XVIII столетия насчитывалось всего лишь 13 «партикулярных», или частных, каменных домов, и почти все они принадлежали купцам. Для большинства рязанских дворян такая роскошь, как каменный городской дом, была в то время недоступна, да и лишена смысла.

В 1801 г. в ходе разбирательства по жалобе купца И.А. Анурова на несправедливую оценку его городской недвижимости дом Кузнецовых был вновь описан в числе прочих каменных домов Рязани для проведения сравнительной оценки качества построек. Описание, составленное комиссией в составе губернского архитектора И.Г. Сулакадзева, городского головы А. Истомина и оценщиков от купечества, не содержит детальных сведений, а лишь дает общую оценку описанным домам. Оно повторяет сведения описи 1796 г., отмечая при этом, что дом Кузнецовых, «как наружность, так и внутренность, в полной отделке» и может приносить хороший доход¹⁸. 14 ноября 1804 г. дом Кузнецовых был описан городской полицией для наложения секвестра и взыскания с владельца денег по векселю; упоминание этого документа содержится в нескольких судебных делах Рязанской палаты гражданского суда¹⁹. Опись 1804 г. могла бы дать много ценных деталей для реконструкции первоначального облика усадьбы и построек, однако обнаружить ее не удалось. Но можно предположить, что общая планировка усадьбы и облик построек в 1804 г. оставались прежними. Кузнецовы в эти годы почти постоянно жили в своем спасском имении, едва ли в этой ситуации была необходимость перестраивать и расширять городской дом. К тому же в документах о приобретении здания для гимназии в 1808 г. дом именуется не иначе как «старый... вдовы Кузнецовой дом».

Недвижимость семьи Кузнецовых не ограничивалась только каменным рязанским домом. Незадолго до приезда в Рязань они обзавелись крупным имением в Рязанской губернии. В 1784 г. с аукционных торгов, состоявшихся в московском городском магистрате, была куплена усадьба суконных заводчиков московских купцов I-й гильдии Ивана Ивановича, Алексея Ивановича и Прасковьи Ивановны Медовщиковых в Спасском уезде. В состав обширного владения входило село Федотьево с суконной фабрикой и ряд окрестных деревень²⁰. В имении насчитывалось более 1200 душ крестьян обоего пола. Покупка обошлась в 44 тысячи рублей – целое состояние, для сравнения, необходимый для

записи в первую купеческую гильдию капитал с 1785 г. составлял 10 тысяч рублей. Покупка была оформлена на Федосью Михайловну, 10 мая 1787 г. состоялся ввод ее во владение²¹.

К 1789 г. усадьба, ставшая постоянным местом жительства семьи Кузнецовых, приводится в порядок и обустроивается, приобретает со временем весьма респектабельный для провинциальной загородной усадьбы облик. Здесь возводится большой каменный двухэтажный дом с флигелями и «с дворовою каменной постройкою», что было для рязанской провинции конца XVIII в. большой редкостью, приводятся в порядок пруд, сад с «ранжереями»²².

Вместе с тем, приобретение обернулось «котом в мешке». Оказалось, что фабрика, числившаяся в селе, фактически существовала на бумаге, как писала Кузнецова в прошении в Сенат: «...она купила суконную фабрику, но в самом существе ее не было»²³. Прежние владельцы использовали федотьевское производство для изготовления полуфабрикатов сукна, окончательная отделка продукции производилась в Москве. Кроме того, по свидетельству Ф.М. Кузнецовой, имение досталось ей в крайне расстроенном состоянии: «При вступлении ее во владение нашла она не фабрику в селе Федотьеве заведенную, но одни построенные для ткачей ветхия светлицы и несколько для тканья разломанных станов. Красильного мастера нет, красильни заводимой не было, а сукновальельныя мельницы во всех дачах села Федотьева не строено и построить негде. Тут усмотрела она, что покупкою ее села Федотьева совершенно ошиблась. Потому что то село местоположение свое имеет на земле ровной, песчаной и большею частью покрытой протекающими болотами, следовательно, крестьяне довольствоваться от хлебопашества не могут, и для того к пропитанию их, а к возвращению употребленного на покупку собственного ею капитала желала устроить суконную фабрику, ибо от нее есть сугубая прибыль, но и от того за вышеписанными препятствующими от природы причинами удержана».

Федосья Михайловна отмечала, что «принуждена была она не для собственной уже, но для пользы купленных крестьян и общественной, с потеряннием вторичного капитала из названной суконной Федотьевской фабрики завести вновь фабрику полотняного качества, к которой сукновальельная мельница и чистая вода, какая употребляется для краски сукон, не нужны, а таковым новым заведением... сделала и делает ту пользу, что купленные ею под названием суконной фабрики с лишком шесть сот мужеска полу душ имеют теперь безбедное пропитание, а общество довольствуется не иностранным, но внутренним рукоделием...»²⁴.

Перепрофилирование фабрики повлекло за собой новые сложности. Владельцы суконных производств были обязаны казенными поставками готовой продукции. Если обязательные поставки не выполнялись «от нерадения фабриканта, а не от несчастных каковых либо случаев», фабрики надлежало, «отобрав у содержателей ее всею к ней принад-

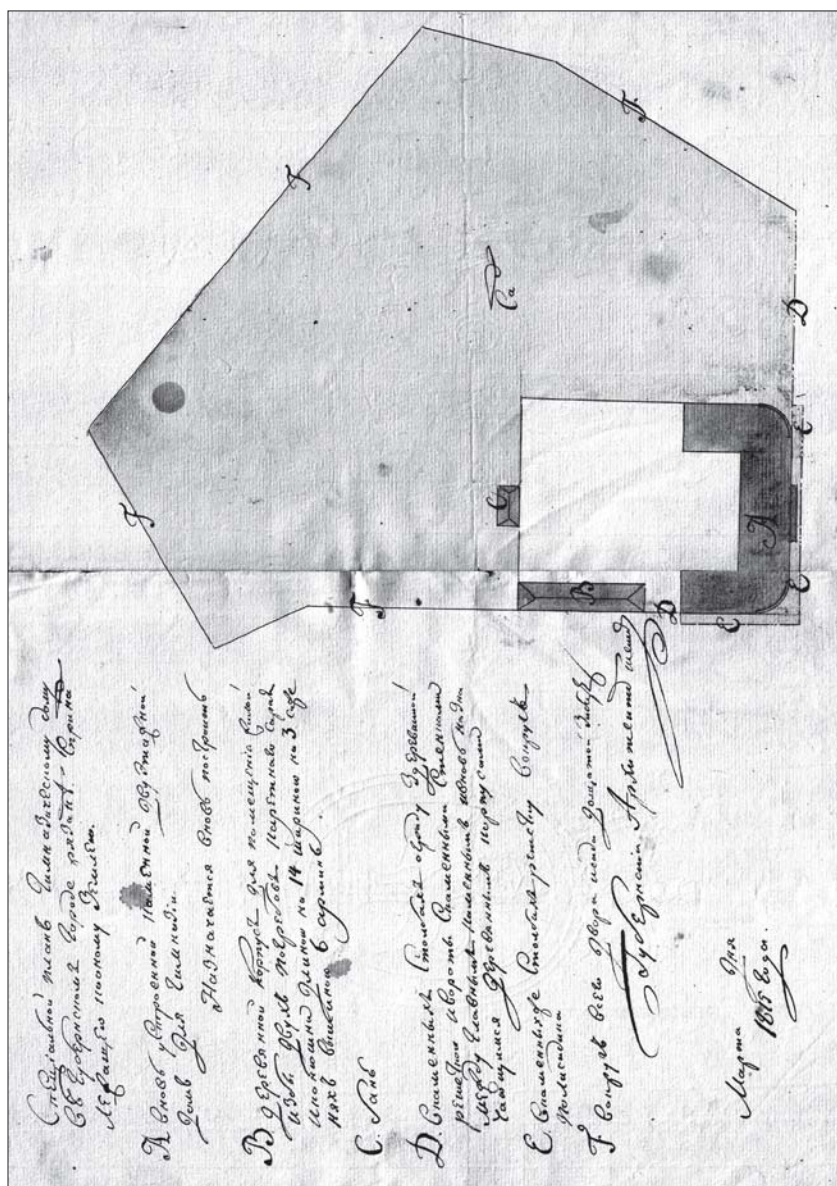
лежностью с приписными и купленными людьми, отдать другому с обязательством выставлять должное количество сукон»²⁵. В 1792 г. Кузнецовой было предписано восстановить суконное производство.

Сенатским указом рязанскому наместническому правлению было «велено оную федотьевскую фабрику обратить из полотняной по прежнему в суконную с тем, чтоб... Кузнецова ставила оные сукна положенное количество, а в противном случае сия фабрика и с принадлежащими к ней людьми... имеет быть взята и другим отдана для выставки сукон, что подтверждено и еще определением Сената февраля 23-го дня 1793 года, при возвращении ей Кузнецовой прошения»²⁶.

Дело затянулось до 1797 г. Все это время, с 1793 по 1797 г., Кузнецова не поставляла сукно в главный Кригс-Комиссариат, задолженность ее составила 124 530 аршин сукна. Именным императорским указом Сенату от 21 ноября 1797 г. было предписано «бывшую в Рязани суконную фабрику, принадлежавшую поручице Кузнецовой, которая, получив к ней в посессию пять сот семьдесят одну душу крестьян с землями, обязана была поставкою по числу оных в казну сукна; но обязательств своих не только не исполнила, но с 1793 года и совершенно преобразила оную из фабрики суконной в полотняную, повелеваем: немедленно со всеми принадлежностями описать в казну»²⁷. Однако после запроса Мануфактур-коллегии «о состоянии оной фабрики надлежащего изъяснения» от самой владелицы дело было приостановлено до выяснения всех обстоятельств, а именным указом Павла I от 12 декабря 1797 г. фабрика была оставлена во владении Кузнецовой²⁸.

Федосье Михайловне пришлось-таки восстановить производство сукна. В ноябре 1797 г. Ф.А. Кузнецов купил у поручика П.А. Коробьина мельницу и шесть десятин при речке Плетенке в районе деревни Нашатыркино при селе Березники Рязанского уезда. В 1799 г. здесь специально «для отбелики вырабатываемых в бывшей... в селе Федотьеве обязанной фабрики, поставляемых в комиссариат солдатских сукон»²⁹, были построены сукновальня и красильня, позже комплекс получил название Федоровской фабрики. В 1801 г. Кузнецов купил у П.А. Коробьина 134 души крестьян, видимо, для организации производства на Федоровской фабрике³⁰, а в 1804 г. у него же приобрел и усадьбу с каменным домом, службами, прудом и садом в селе Березники³¹.

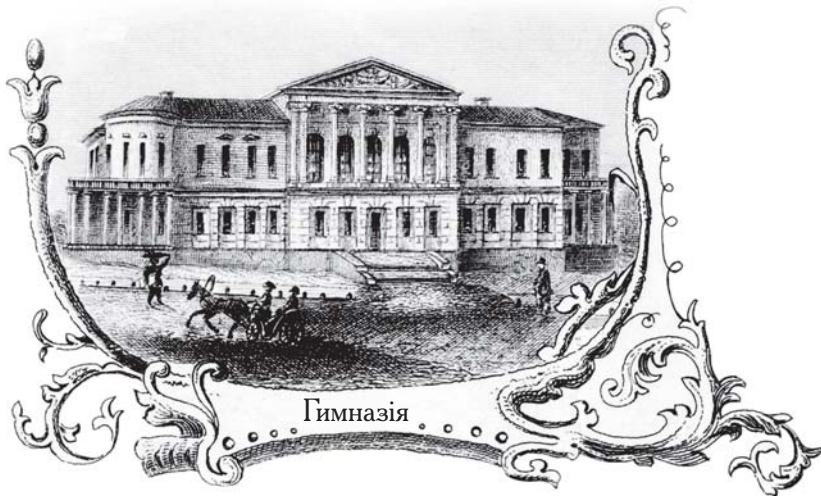
27 марта 1802 г. Ф.М. Кузнецова составляет духовное завещание, в котором единственным наследником федотьевского имения объявляет мужа и завещает похоронить себя в селе Федотьеве «при Успенской церкви»³². Вскоре после смерти Федосьи Михайловны, которая произошла, вероятно, в том же 1802 г. (запись о смерти в метрических книгах выявить пока не удалось), Федор Антонович женился во второй раз на двадцатилетней Варваре Осиповне Ильиной (1781–1863) – дочери статского советника Осипа Яковлевича Ильина³³. Так на исторической сцене появилась та самая Варвара Осиповна Кузнецова, которую не раз называли первой владелицей гимназического дома.

Специальный план «гимназическому дому», 1815 г.
ГАРО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 79. Л. 5–6

25 февраля 1806 г. в своем федотьевском имении в возрасте 60 лет умирает и сам Ф.А. Кузнецов. Как и завещал, он был похоронен в рязанском Троицком монастыре³⁴. Поскольку оба брака Кузнецова были бездетными, Варвара Осиповна становится единственной наследницей семейных владений. Ей перешли усадьба с каменным домом, службами, садом, прудом и угодьями, а также 195 душ крепостных в селе Безрезники и деревне Нашатыркиной Рязанского уезда, «в Федоровском заводе мельница, красильня и прессовая, инструменты с суровыми, валенными, крашенными и некрашенными сукнами», «Спасской округи в селе Федотьево по пятой ревизии 155 душ и с дворовыми людьми, с пашенными землями, с санными покосами, с лесы и угодьями, каменный в том селе дом со службами и во внутренности оных со всеми движимыми вещами, с садом, прудом и ранжереями», земли и рыбные дачи в деревне Уродово Спасского уезда, крестьяне и дворовые в селе Калтырине Тамбовской губернии, уже известный каменный дом в Рязани, а также лавка с суконными товарами. Федотьевская суконная фабрика не попала в завещание, поскольку в 1805 г. была продана князю Ю.В. Долгорукову.

Кроме того, завещание обязывало В.О. Кузнецову выделить племянницам Ф.А. Кузнецова Елене Алексеевне и Надежде Алексеевне по 5 тысяч рублей и по два образа в окладах каждой при выходе замуж, выплачивать долги «коммерции советнику» (так!) П.А. Мальшину – 1500 руб-

Гимназия.

Фрагмент гравюры «Виды губернского города Рязани». Середина XIX в. РИАМЗ

лей и внести банковские платежи; также Варвара Осиповна должна была «заплатить за крещение в новостроящейся федотьевской церкви в двух приделах иконостасов и написание икон»³⁵.

С 1805 г. рязанское дворянство было озабочено приобретением или строительством нового здания для губернской гимназии. В 1806–1807 гг. был проведен сбор средств на приобретение дома для гимназии по 10 копеек с ревизской души. В итоге была собрана сумма в 31 125 рублей. В 1808 г. рязанское дворянство купило «старый у вдовы Кузнецовой дом» за 14 500 рублей. В купчей, совершенной 20 февраля 1808 г. в рязанской гражданской палате, указано, что «вдова поручика Федора Антонова сына Кузнецова Варвара Осипова» продала рязанскому губернскому дворянству «для помещения здешней гимназии каменный о двух этажах дом, состоящий в губернском городе Рязани во второй части против 32 квартала близ Лыбедского каменного моста, со всем принадлежащим ко оному каменным и деревянным строением и состоящую земель... с разной в том доме имеющуюся мебелью, о которой дана... оному дворянству опись»³⁶.

Последующая история дома хорошо известна. После масштабной реконструкции, проведенной в 1809–1815 гг., в доме разместилась губернская гимназия. Купленное здание дворянство рассматривало как свою собственность: в 1815 г., когда готовое к заселению гимназии здание освидетельствовали на качество работ, на заседании дворянского собрания было отмечено, что «дом сей по назначению его должен быть именован домом дворянства, вмещающим рязанскую гимназию»³⁷. Именно поэтому в 1830-х гг., когда возникла потребность в особом здании для губернского дворянского собрания, предполагалось разместить дворянское собрание именно в гимназическом здании. Однако позже от этой идеи отказались, поскольку на продажу был выставлен роскошный особняк купца И.И. Рюмина, в котором позже и разместилось рязанское дворянское собрание.

Варвара Осиповна в начале 1810-х гг. вторично вышла замуж за Ивана Павловича Сулиму (1771–1854). Сначала семья проживала в Нижнем Новгороде, где служил И.П. Сулима, а в конце 1830-х гг. вернулась в Рязань и проживала, вероятно, в доме на углу улиц Мальшинской и Мясницкой, купленном в 1835 г. Иваном Павловичем с аукциона. Этому особняку по стечению обстоятельств также предстояло войти в историю рязанских учебных заведений. Унаследовав дом после смерти мужа в 1854 г., Варвара Осиповна в 1858 г. продала его Николаю Гавриловичу Рюмину – попечителю рязанской губернской гимназии, а тот, в свою очередь, передал дом для размещения в нем открывавшегося в Рязани губернского женского училища. По личному ходатайству Н.Г. Рюмина вновь открытому училищу было даровано звание Мариинского³⁸. Варвара Осиповна Сулима, урожденная Ильина, в первом браке Кузнецова, скончалась в Рязани в 1863 г. и была похоронена в рязанском Спаском монастыре³⁹.

Дом Кузнецовых, без сомнения, ожидала типичная судьба городского особняка семьи, занятой коммерческой деятельностью. Выстроенный на предпринимательские доходы, ставший средством вложения капитала, он, как дорогостоящий объект недвижимости, должен был приносить прибыль, играя роль залогового гаранта при снятии откупов и выполнении казенных контрактов владельцем или сдаваясь в аренду. Покупка здания для размещения в нем гимназии изменила судьбу дома, сделав его средоточием научной и культурной жизни Рязанской губернии XIX – начала XX в. Вместе с тем, история дома гимназии стала еще одной иллюстрацией к истории городской недвижимости рубежа XVIII–XIX вв., когда крупные и дорогостоящие особняки либо переходили от одной состоятельной семьи к другой, служа зримым воплощением высокого социального статуса владельца, либо рано или поздно становились зданиями общественного назначения.

¹ *Воздвиженский Т.Я.* Историческое обозрение Рязанской губернии. М., 1822. С. 361.

² Историческая записка Рязанской I-й мужской гимназии 1804–1904. Рязань, 1904. С. 21.

³ *Солодовников Д.Д.* Переяславль Рязанский. Прошлое Рязани в памятниках старины. Аутентичное издание. Рязань, 1995. С. 160.

⁴ См., напр.: *Рязанские усадьбы и их владельцы.* Рязань, 2006.

⁵ *Красногорская И., Чугунов С.* Дом на Большой улице. Рязань, 1985. С. 3.

⁶ Там же. С. 3–5.

⁷ Там же. С. 8.

⁸ Приношу благодарность М.Ю. Катину-Ярцеву (г. Москва) за помощь в установлении этих сведений. См.: «Месяцослов с росписью чиновных особ...» (СПб., 1781. С. 128), на 1782 (СПб., 1782. С. 123), на 1783 (СПб., 1783. С. 125), на 1789 (СПб., 1789. С. 96), на 1790 (СПб., 1790. С. 106), на 1791 (СПб., 1791. С. 95) и на 1792 (СПб., 1792. С. 98.).

Должность коронного поверенного была введена указом от 1 августа 1765 г. для надзора за порядком откупной системы продажи питей. В своей деятельности поверенный руководствовался высочайше утвержденными кондициями от 19 января 1767 г. и сенатским указом от 4 апреля 1778 г. Коронными поверенными назначались откупщики питейных сборов, обычно из купцов. Деятельность их оформлялась контрактом, заключенным в магистрате или ратуше. Там же коронный поверенный получал свидетельство на право питейного промысла. Коронный поверенный отвечал за качество вина, продаваемого откупщиками, содержание питейных домов и запасных винных магазинов, обеспечение запасов вина, установленного для данной губернии или уезда, продажу его по указным ценам, поддержание в хорошем состоянии строений, относящихся к системе продажи питей, а также за поступление в казну питейных сборов в сумме, установленной для данной области. Коронный поверенный лично в присутствии представителей местной администрации производил прием вина, подлежащего продаже. Им же подавались сведения о количестве вина в Камер-коллегию, а также в губернскую или воеводскую канцелярию. Запасные винные магазины передавались коронным поверенным в присутствии членов магистрата по описи. То же самое происходило при передаче дел по окончании срока откупа. Коронный поверенный мог сам нанимать служителей магазинов и платил им жалованье. Статус коронных поверенных сохранялся до 1783 года, пока действовали упомянутые кондиции и указы. В дальнейшем откупщикам питейных сборов он не присваивался (ПСЗ I. Т. 18. № 12818; Т. 19. № 13580; Т. 20. № 14727, 14728).

⁹ ГАРО. Ф. 1433. Оп. 1. Д. 462. Л. 1. Дело о регистрации купчей Кузнецовой, 1784 г.

¹⁰ ГАРО. Ф. 98. Оп. 6. Д. 21. Л. 3–10. Специально вопрос о происхождении купеческой фамилии Найковых не исследовался. Единственное выявленное упоминание купеческой фамилии Найковых встречено нами в комментариях к экспонатам нумизматического раздела Биржевого музея ММВБ в сети Internet: «...в документах XIX века мы встречаем описание ряда именных медалей, на которых были уже по-разному сформулированы заслуги награждаемого. Так, петербургский купец Найков получил награду за «усердие к сохранению казенного интереса» (См.: <http://www.forum.micex.ru/museum/collect/exhibits/>).

¹¹ ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 3; Ф. 637. Оп. 8. Д. 6. Л. 11. Купчая на дом В.О. Кузнецовой, 1808 г.

¹² ГАРО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 54. Л. 23. План усадебного места, просимого В.Н. Шарыгиной для разведения сада теплицами и парниками, 1819 год; там же. Ф. 4. Оп. 9. Д. 85. Л. 5 об. – 6. План усадебного места П.А. Коноплиной, 1801 год; там же. Ф. 4. Оп. 18. Д. 31. Л. 4 об. – 5. План усадьбы С.Д. Рахманинова, 1810 год.

¹³ ГАРО. Ф. 659. Оп. 2. Д. 1116. Л. 3.

¹⁴ ГАРО. Ф. 637. Оп. 46. Д. 2206. Л. 38–45.

¹⁵ ГАРО. Ф. 659. Оп. 2. Д. 1116. Л. 3.

¹⁶ Фонды РИАМЗ. № 12529. Л. 32; ГАРО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 85. Л. 5–6. План части г. Рязани 1801 г; там же. Л. 14–15. План части г. Рязани, 1805 г.; Ф. 593. Оп. 1. Д. 79. Л. 5–6. Специальный план гимназическому дому, 1815 г.

¹⁷ ГАРО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 43. Л. 282.

¹⁸ Там же. Л. 270 об.

¹⁹ ГАРО. Ф. 637. Оп. 7. Д. 487. Л. 16 об.

²⁰ «Фабрика была основана в 1761 году на основании Высочайшего указа 1721 года... Московский купец Иван Иванов Медовщиков и купеческая жена Прасковья Иванова означенное имение для заведения в нем суконной фабрики купили у господина Лейб-гвардии сержанта Алексея Григорьева Безобразова, в 1784 году за состоящая на означенных владельцев казенные и партикулярные долги Московским городовым магистратом продано оное с аукционного торгу купечкой жене Федосье Михайловой дочери Кузнецовой, а от нее дошло во владение по духовной в 1802 году мужу ея поручику Федору Антонову Кузнецову, а им Кузнецовым в 1805 году продано Его сиятельству князю Юрию Владимировичу Долгорукову, а от него Долгорукова досталось во владение по дарственной записи в прошлом 1830 году Его Сиятельству князю Петру Дмитриевичу Салтыкову. В котором же году фабрика была заведена, в каком положении действия она находилась до поступления во владение к господину... Салтыкову..., не известно». ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3402. Л. 158 об. – 177. Ведомости о фабриках и заводах, 1848 г.

²¹ ГАРО. Ф. 637. Оп. 46. Д. 2206. Л. 1–47 об.; Ф. 659. Оп. 2. Д. 4г. Л. 5 об.

²² См.: ГАРО. Ф. 892. Оп. 1. Спасский у. Д. 210. Л. 1. План специального межевания села Федотьева Спасского уезда, 1773–1852 гг.

²³ ГАРО. Ф. 4. Оп. 719. Д. 1629. Л. 529.

²⁴ Там же. Л. 528.

²⁵ Там же. Л. 662.

²⁶ Там же. Л. 532 об.

²⁷ Там же. Л. 722 об.

²⁸ См.: Перечень именных высочайших указов, относящихся до Рязанской губернии / Сост. А. Повалишин // Труды РУАК. Т. XIV. Вып. 3. Рязань, 1899. Приложение. С. 4.

²⁹ ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1764. Л. 236–237 об.

³⁰ ГАРО. Ф. 129. Оп. 7. Д. 65. Л. 97. Окладная книга V ревизии Рязанского уезда, 1795 год.

³¹ ГАРО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 17. Л. 1; Ф. 637. Оп. 5. Д. 186. Л. 1 об. В экономических примечаниях к V ревизии о селе Березники сказано, что оно «положение имеет на правой стороне безымянного оврага, на коем пруд и при другом копаном пруде дом гос-

подской каменной и при оном сад иригулярной с плодовитыми деревьями владения господина Коробына» (См.: ГАРО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 5. Л. 49 об.).

³² ГАРО. Ф. 637. Оп. 46. Д. 4118 а. Л. 1–3 об.

³³ См.: Любарский К. Рязанский некрополь. Часть 1-я. Спасский мужской монастырь. Рязань, 1914. С. 49.

³⁴ ГАРО. Ф. 627. Оп. 254. Д. 27. Л. 8 об. Метрическая книга села Федотьева за 1806 год.

³⁵ ГАРО. Ф. 637. Оп. 6. Д. 335. Л. 1–2.

³⁶ Там же. Оп. 8. Д. 6. Л. 11.

³⁷ ГАРО. Ф. 98. Оп. 30. Д. 72. Л. 258.

³⁸ ГАРО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 785. Л. 1–10. Дело о покупке дома для Мариинского женского училища, 1858 год.

³⁹ Любарский К. Указ. соч. С. 49.

Д.Ю. Филиппов

ИСТОРИЯ УСАДЬБЫ «КРАСНОЕ» В МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ*

Среди памятников усадебной архитектуры, сохранившихся на территории Рязанской области, одним из самых интересных и ценных является комплекс усадьбы Красное, расположенной на территории Михайловского района. Оригинальный и по-своему уникальный архитектурный комплекс, созданный на рубеже XVIII–XIX вв. по заказу владельца имения А.П. Ермолова, не раз привлекал внимание исследователей¹. Цель настоящей публикации состоит во введении в научный оборот систематизированных сведений по истории усадьбы, выявленных в результате специальных изысканий, проведенных при подготовке проекта реставрации усадебного комплекса в фондах Государственного архива Рязанской области. Вновь выявленные материалы, наряду с уже известными фактами из истории усадьбы, позволяют уточнить историю комплекса и высказать некоторые предположения об этапах и хронологии его формирования.

По письменным источникам село Красное известно с XVII в. В писцовых книгах 1629 г. значится «за Ондреем Дмитриевым сыном Есипова – по государевой ввозной грамоте за припискою дьяка Герасима Мартемьянова, 123-го году, что было преж того за князем Васильем Масальским, село Красное на суходоле. В селе церковь Николы Чюдотворца деревяна клецки...»². По данным окладных книг Рязанской епархии 1676 г. в приходе церкви Николая Чудотворца в селе Красном состояло «три двора боярских, сорок пять дворов крестьянских, два двора бобыльских, и всего пятьдесят два двора»³.

* Работа была выполнена в 2006 г. по заказу ООО «Ландшафтная мастерская В.А. Агальцовой «Русский сад» (г. Москва) в рамках подготовки проекта реставрации усадьбы Красное.